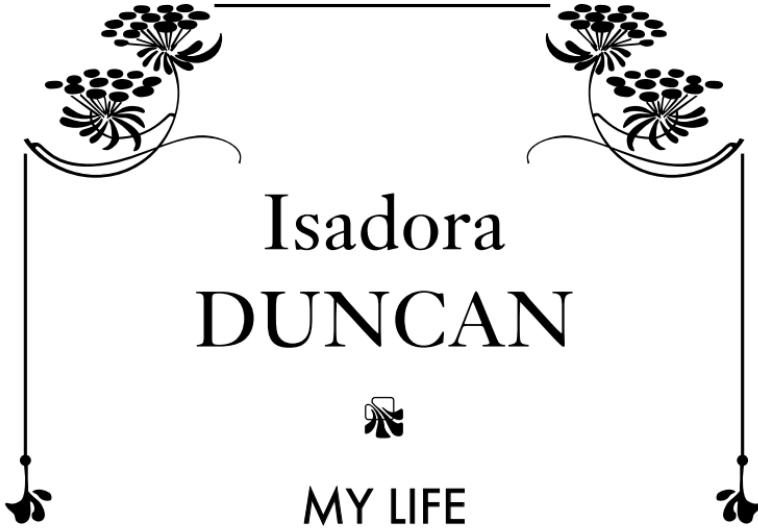




Айседора ДУНКАН



МОЯ ЖИЗНЬ



Isadora
DUNCAN



MY LIFE



УДК 792.8
ББК 85.335.42
Δ83

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Художественное оформление
И.А. Озерова*

Дункан Айседора

К26 Моя жизнь / Пер. с англ. И.Э. Балод. – М.: ЗАО
Центрполиграф, 2009. – 351 с.

ISBN 978-5-521-73212-8

В этой книге неповторимая Айседора Дункан рассказывает о себе, о конце XIX века – времени рождения нового, изменения привычных форм. Она смело ломала признанные каноны рафинированного искусства балета, создавая невиданный доселе танец. Духовная свобода, способность выразить в танце внутренние переживания – вот чем жила эта удивительная женщина.

Страстные романы, трагическая гибель детей, приезд в Советскую Россию... Как танец Айседоры, так и ее судьба напоминала костер на ветру. Чем сильнее ветер, тем ярче пламя и короче жизнь...

УДК 792.8
ББК 85.335.42

ISBN 978-5-521-73212-8

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Признаюсь, что, когда мне впервые предложили написать книгу, я испытала ужас при одной мысли об этом. И не потому, что моя жизнь менее интересная, чем какой-нибудь роман, или не так богата приключениями, как фильм; если ее хорошо изложить, она может стать значительным событием. Но вот в этом-то и загвоздка — нужно как следует написать!

Мне потребовались годы напряженных усилий, тяжелой работы, тщательных поисков, чтобы научиться делать один простейший жест. И я достаточно много знала об искусстве письма, чтобы понять — у меня уйдет столько же лет напряженного труда на то, чтобы написать одно простое, красивое предложение. Как часто я заявляла, что один человек может добраться до экватора, совершив невероятные подвиги, охотясь на львов и тигров, и попытаться написать обо всем этом, но потерпит неудачу, в то время как другой, никогда не покидавший своей веранды, может так рассказать об охоте на тигров в джунглях, что заставит читателей ощутить, будто он действительно там побывал. Так что они станут сопереживать его трудностям, вместе с ним испытывать опасения, почувствуют запах львов и с ужасом услышат приближение гремучей змеи. Похоже, не существует ничего, кроме того, что живет в нашем воображении, и все те необыкновенные события, которые произошли со мной, могут утратить ин-

терес, потому что я не обладаю пером Сервантеса или по крайней мере Казановы.

И еще одно. Можем ли мы написать правду о себе? Разве мы знаем ее? Существует представление о нас наших друзей, наше представление о себе и представление о нас нашего возлюбленного. А также представление о нас наших врагов, и все эти мнения различны. У меня есть все основания знать это — вместе с утренним кофе мне подавали газеты с критическими статьями, где провозглашалось, будто я прекрасна, словно богиня, и гениальна, но не успевала довольная улыбка сбежать с моих губ, как я брала следующую газету и читала, что у меня совершенно нет таланта, я плохо сложена и вообще настоящая гарпия.

Вскоре я перестала читать критические статьи о своей работе. Я не могла рассчитывать только на положительные отзывы, а отрицательные производили слишком гнетущее, раздражающее, а порой просто убийственное впечатление. В Берлине один критик просто преследовал меня оскорбительными выпадами. Среди всего прочего он заявил, будто я абсолютно немузыкальна. Однажды я прислала ему приглашение, желая убедить его в том, что он ошибается. Он пришел, и, пока сидел напротив за чайным столиком, а я произносила перед ним полуторачасовую речь, посвященную моим теориям зритого движения, созданного под музыку, я заметила, что он выглядит чрезвычайно скучным и вялым, но каков же был мой ужас, когда он извлек из кармана слуховую трубку и сообщил мне, что он почти глухой и даже с этим прибором едва слышит оркестр, хотя и сидит в первом ряду партера! И из-за его мнения я не спала по ночам!

Так что, если другие, рассматривая нас с разных точек зрения, видят в нас разные личности, как же нам самим отыскать в себе еще одну личность, о которой написать в этой книге? Будет ли это целомудренная Мадонна или Мессалина, Магдалина или синий чулок? Где мне найти героиню всех этих приключений? Мне кажется, что она не

МОЯ ЖИЗНЬ

одна, их сотни, и моя душа взмывала ввысь, но ни одна из них не оказывала на меня ни малейшего воздействия.

Верно сказано: чтобы хорошо написать о чем-то, писатель не должен иметь опыта в данном вопросе. Чем больше ты пишешь о знакомом предмете, тем труднее найти слова. Воспоминания в меньшей мере реальны, чем мечты. И действительно, многие мои мечты кажутся более живыми и яркими, чем настоящие воспоминания. Жизнь есть сон, и это хорошо, иначе кто мог бы пережить свой печальный опыт, некоторые трагические события. Например, гибель «Лузитании». Подобное событие должно было навсегда оставить выражение ужаса на лицах прошедших через это мужчин и женщин, тогда как мы повсюду встречаем их улыбающимися и счастливыми. Только в романах люди претерпевают внезапные метаморфозы. В реальной жизни даже самый ужасный опыт не может изменить основные черты характера. Посмотрите на всех этих русских князей, потерявших все, чем владели, тем не менее их можно встретить каждый вечер на Монмартре, весело ужинающих с хористками точно так же, как это было до войны.

Любой человек, женщина или мужчина, который написал бы правду о своей жизни, создал бы великую книгу. Но никто не осмеливается написать правду о своей жизни. Жан-Жак Руссо принес эту величайшую жертву во имя человечества, сняв покровы со своей души и раскрыв свои самые сокровенные поступки и мысли. Результат — великая книга. Уолт Уитмен открыл свою правду Америке. Одно время его книга находилась под запретом как «безнравственная». Подобное определение кажется нам теперь нелепым. Ни одна женщина еще не рассказала подлинную правду о своей жизни. Автобиографии знаменитых женщин в большинстве случаев представляют собой ряд рассказов о внешней стороне бытия, незначительные детали и анекдоты, не дающие представления об их реальной жизни, но они хранят странное молчание о великих моментах радости или боли.

Мое же искусство как раз представляет собой попытку выразить правду моего существа с помощью жеста и движения. Долгие годы ушли у меня на поиски абсолютно верного движения. Слова имеют иное значение. Перед лицом публики, валом валившей на мои представления, у меня не было сомнений. Я отдавала им самые тайные импульсы своей души, я танцевала свою жизнь. Ребенком я выражала в танце спонтанную радость познания. В юности с радостью изображала приход к первому осознанию трагических подводных течений, осознание безжалостной жестокости и сокрушительного движения жизни вперед.

Когда мне было шестнадцать лет, я танцевала перед публикой без музыки. В конце кто-то из зрителей закричал: «Это смерть и девушка!» И с тех пор танец так и называли — «Смерть и девушка». Но это не входило в мои намерения, я всего лишь пыталась выразить свое первое представление о внутренней трагедии, таящейся за внешними проявлениями радости. По моему мнению, танец следовало назвать «Жизнь и девушка».

Затем я в танце отражала борьбу с этой самой жизнью, которую публика назвала смертью, и отвоевывала у нее свои эфемерные радости.

Нет ничего более отдаленного от реальной правды, чем герой или героиня стандартного фильма или романа. Щедро наделенные добродетелями, они не могут совершить неверный поступок. Благородство, отвага, сила духа и т. д. и т. д. для *него*. Чистота, кроткий нрав и т. д. для *нее*. Все отрицательные качества и грехи предназначены негодяю или дурной женщине, в то время как в реальной жизни, как мы знаем, нет людей полностью плохих или полностью хороших. Мы можем и не нарушать десять заповедей, но, безусловно, все мы на это способны. В нас затаился нарушитель законов, готовый при первой же возможности высочить на свободу. Добродетельные люди — это всего лишь те, кто не подвергается значительным соблазнам потому, что пребывает в растительном состоянии, или потому, что их цели настолько сосредоточе-

ны в одном направлении, что просто нет времени посмотреть вокруг.

Однажды я видела замечательный фильм, который назывался «Железная дорога». Его тема такова: жизнь людей сравнивается с паровозом, бегущим по определенной колее. А если паровоз сойдет с колеи или встретит непреодолимое препятствие, произойдет катастрофа. Счастливы те машинисты, которые, увидев перед собой крутой склон, не испытывают дьявольского искушения сойти с тормозов и броситься навстречу разрушению.

Иногда меня спрашивают, считаю ли я, что любовь выше, чем искусство, и я отвечаю, что не могу разделить их, так как художник — единственный возлюбленный, только он обладает способностью видеть красоту в чистом виде, а любовь — это видение души, когда она дает возможность смотреть на бессмертную красоту.

Пожалуй, одной из самых замечательных личностей нашего времени можно назвать Габриеле Д'Аннунцио, хотя он невысок и его едва ли можно назвать красивым, за исключением тех минут, когда его лицо загорается внутренним светом. Но, обращаясь к женщине, которую любит, он преображается и становится подобен самому Фебу-Аполлону, он завоевал любовь величайших и красивейших женщин нашего времени. Когда Д'Аннунцио любит женщину, он помогает ее душе подняться над нашей землей в божественный край, где пребывает в сиянии Беатриче, он превращает каждую женщину в часть божественной субстанции. Он возносит ее настолько высоко, что она сама начинает верить, будто пребывает рядом с Беатриче, которую Данте воспел в своих бессмертных строфах. В Париже была эпоха, когда культ Д'Аннунцио достиг такой высоты, что в него были влюблены все самые знаменитые красавицы. В эту пору он накидывал на всех фавориток по очереди сияющую вуаль. Она возносила над головами простых смертных и передвигалась, окруженная необычным сиянием. Но стоило капризу поэта окончиться, вуаль исчезала, сияние тускнело, и женщина

снова превращалась в обычную глину. Она сама не знала, что с ней произошло, только ощущала, что внезапно опустилась на землю, и, оглядываясь назад, на происшедшее с ней превращение, когда ей поклонялся Д'Аннунцио, она понимала, что уже никогда в жизни не встретит такого гениального возлюбленного. Оплакивая свою судьбу, она становилась все более и более унылой, и люди, глядя на нее, говорили: «Как Д'Аннунцио мог любить эту заурядную женщину с красными глазами?» – столь великим возлюбленным был Габриеле Д'Аннунцио, что мог на время придать обычной смертной божественные черты.

Только одна женщина в жизни поэта выдержала это испытание. Она и сама по себе являлась воплощением божественной Беатриче, и Д'Аннунцио не было необходимости набрасывать на нее свою вуаль. Я всегда считала, что Элеонора Дузе была настоящей Беатриче Данте, воплотившейся в наши дни, так что перед ней Д'Аннунцио мог только пасть на колени и поклоняться ей, и это стало единственным смыслом его жизни. В других женщинах он находил всего лишь материал, который сам преобразовывал, и только Элеонора парила над ним, даря ему божественное вдохновение.

Как мало людей знает о силе утонченной лести! Слушать, как тебя восхваляют с волшебной силой, характерной для Д'Аннунцио, – это, наверное, напоминает ощущения Евы, когда она услышала голос змея в раю. Д'Аннунцио мог заставить любимую женщину ощутить, будто она – центр вселенной. Я помню свою замечательную прогулку с ним в Форе. Мы остановились, и воцарилась тишина. Затем Д'Аннунцио воскликнул: «О, Айседора, только с вами можно оставаться один на один с Природой! Все остальные женщины разрушают пейзаж, и только вы становитесь частью его». (Может ли хоть одна женщина устоять против подобного почитания?) «Вы часть деревьев, неба, вы высшее божество Природы».

Таков был гений Д'Аннунцио. Он заставлял каждую женщину почувствовать себя богиней в своей сфере.